

Родилась в Феодосии. Окончила политехнический техникум и филиал Киевского института международных отношений. Фотокорреспондент. Печаталась в городских, республиканских и союзных газетах и журналах. Сейчас регулярно печатается в израильской прессе и литературно-художественных изданиях. Автор книги «Прикосновение».

Вера Каценеленбоген

Проза

Морская прогулка

Произошёл этот случай, когда я служила на Черноморском флоте в береговой воинской части.

Итак, был обычный осенний день, четверг. Всё, как всегда. К восьми утра я пришла на своё рабочее место, начала проявку плёнок. И вдруг в мою комнату влетел запыхавшийся начальник. Нервно вытирая пот со лба цветным платочком, заикаясь, он сообщил, что я должна выйти в море на корабле для фотографирования.

- Почему я, а не оператор-мужчина, который обычно выходит в море с кинокамерой? – вырвалось у меня.

Несмотря на то, что осеннее солнце хорошо пригревало, температура моего тела упала на пять градусов от страха: с детства я страдаю морской болезнью. В предвкушении предстоящего «удовольствия» сердце моё затрепетало. Но, как известно, приказы не обсуждают, а выполняют беспрекословно, точно и в срок. И вот, весь личный состав фотолaborатории начал снаряжать меня на съёмку.

Выйти в море я должна была на эсминце, с которого адмирал флота со своим штабом будут наблюдать за стрельбами. Однако фотографировать предстояло не людей, что я делала обычно при адмиралских проверках, а именно стрельбы. Я вынуждена была надеть форму: рубашку, галстук, тужурку, юбку по моде тех лет, до колен, и форменные туфли.

- Ладно, на корабле – в форме, - размышляла вслух я, - а до того и после можно «по гражданке». И я осталась в своих брюках. Но это в Израиле коренные жители могут ходить в брюках и юбках одновременно. В маленьком приморском городке так ходить было не принято. Весь этот маскарад надо было спрятать, поэтому девчонки принесли куртку. Тёплая болоньевая куртка ядовито зелёного цвета сослуживицы на мне превратилась в пальто, так как была на несколько размеров больше. Это было кстати: из-под куртки не видно было юбки. Рукава куртки подкатали. Берет, фотоаппарат – в сумку, и я готова. В те годы не было мобильных телефонов, т. е. домой о внезапной командировке я сообщить не могла и поручила это сделать подруге.

Военный газик по дороге в порт трясло, как в лихорадке, что соответствовало моему физическому состоянию. Небольшой военный катер подрагивал на равнодушно искрящейся ряби. С соседнего судёнышка ловил рыбу морячок, по причалу разгуливали две упитанные кошки, невдалеке, на солнышке, грелась собачонка. Эта картина меня умилила и расслабила.

- А, может, я уже переросла и больше не укачиваюсь? – с надеждой думала я, - и потом это плавание всего на несколько часов.

Катер отошёл от берега.

- Я даже не думаю о том, что мне бывает иногда плохо. Я люблюсь морем, волнами, брызгами, чайками, - занялась я аутотренингом, - сейчас какую-нибудь зарисовку сочиню для газеты...-

Ровно через час плавания мой завтрак попросился наружу. Я свесилась за борт. Волны смывали остатки еды и мою уверенность, что всё будет хорошо.

- Иди, приляг, - посоветовал мичман. Однако не лежалось: морская болезнь настигла меня и не отпускала.

Мы давно вышли из залива. Море начинало волноваться. Ещё через несколько часов мы подошли к намеченной цели. Со всеми предосторожностями меня подняли на борт.

- Женщина на корабле! – десятка два моряков, свободных от вахт, собрались на палубе, наблюдая за моим подъёмом.

Молодой лейтенант привёл меня в одноместную каюту. Я огляделась. Вполне приличное жилище: кровать, стол и, что важно в моём состоянии, - умывальник. Санузла, именуемого на флоте «галюном», в каюте не было. Конечно, чувствовалось, что под ногами не земля, а вода, но качало гораздо меньше, чем на катере. Я легла на застеленную одеялом кровать, укрылась курткой. Стало чуть легче. Мысли в голове перестали плескаться.

В дверь каюты тихонько постучали, но на моё «войдите» - никто не

вошёл. Я встала и открыла дверь.

- Можно с Вами поговорить? – переминаясь с ноги на ногу, смущённо спросил морячок. – Моя вахта закончилась, и у меня свободное время. Зовут меня Алёша,... - и он начал рассказывать о себе, своей семье, иногда задавая мне какие-то вопросы.

В любом другом месте я бы с интересом слушала его истории, но сейчас... Односложно отвечая ему, часто теряя нить повествования, я прислушивалась к своим ощущениям и никак не могла отвлечься от прицепившейся морской болезни.

- Извини, мне нехорошо, - и я быстро захлопнула дверь каюты.

Через какое-то время снова стук, и у дверей другой матрос со своими рассказами. Подошёл мичман, взглянул на меня, бледнолицую, и принёс с камбуза сухариков: пожуй, легче станет. Подходили ещё матросы. Мне было не до знакомств, поэтому суть разговоров сводилась к тому, что они уже давно в плавании, а на берег – не скоро, и просили взять письма и бросить их в почтовый ящик в городе.

- Конечно, письма возьму, - всем обещала я, и ребята, не задерживаясь, спешили писать своим девушкам и мамам.

В перерывах между беседами у дверей (никто из них в каюту не заходил) и попытками задремать я обследовала прилегающую территорию. По звуку льющейся воды самостоятельно (ведь спрашивать неудобно и стыдно) нашла туалет. Мой вестибулярный аппарат реагировал и на слово «еда», и на запахи. Я категорически отказывалась от очередной порции сухариков, предлагаемой мичманом, и они накапливались.

- А когда стрельбы? – поинтересовалась я у него.

- Завтра, - просто ответил он.

- Как завтра?!

- По плану завтра, и адмирал со свитой прибудут завтра.

- А меня для чего сегодня привезли?! –

Он пожал плечами и вышел.

И хоть часы шли исправно, время для меня остановилось. Я не могла ни читать, ни есть, ни спать – хотелось плакать... Очевидно, я всё же задремала, так как не сразу услышала стук в дверь.

- Хотите посмотреть закат? – У дверей стоял Алёша, мой первый знакомый на корабле. Незамеченными мы пробрались на корму. Перед глазами бесконечная морская рябь, небо в багряных разводах, а круг солнца то прячется за развивающимся на ветру кормовым флагом, то повисает над горизонтом. Красота неимоверная. Жаль сфотографировать нельзя: ведь в

фотоаппарате плёнка для работы. Мы простояли, любуясь закатом уходящего дня, пока солнце не скатилось в море. Когда смотришь на горизонт, действительно, легче. Причиной тошноты считается несоответствие поступающих сигналов от вестибулярного аппарата и органов зрения. Тело ищет «ось земли», а перед глазами всё качается. Сосредоточение внимания на заведомо неподвижном предмете, в данном случае, на линии горизонта, помогает привести их в соответствие. На какое-то время удалось отвлечься от морской болезни, а затем ощущение укачивания из-за монотонных колебаний вернулось вновь. Без резких движений я спустилась в каюту, приняла горизонтальное положение и прикрыла глаза. Вспомнилась поговорка: «На новом месте приснишь жених невесте». На моём новом месте по известной причине я больше бодрствовала, чем спала, поэтому женихи не снились.

От завтрака я категорически отказалась. Никак не могла дождаться, когда же меня позовут фотографировать. Наконец, за мной пришёл лейтенант. Море слегка волновалось, поэтому меня привязали к леерам, чтобы случайно такого опытного моряка не смыло за борт. Собрав в кулак всю свою волю, я застыла в пятиминутной готовности.

- Женщина на корабле?! – сердито раздалось откуда-то сверху из мегафона.
- Это фотограф, - поспешил доложить стоящий рядом со мной лейтенант.
- Мы не заказывали, - раздалось в ответ. Минутная заминка, и сверху пояснили: - Не заказывали фотографа, нужен оператор.
- Я – фотограф, - сникла я.
- Убрать с палубы! – последовала команда.

Лейтенант проводил меня в каюту.

- Это же надо перепутать фотографа с оператором! Я мучаюсь здесь вторые сутки, - сердилась я, - и виноватого не найдут ведь! –
Я легла в койку. Прошло много времени.

Громкий стук, и дверь сразу распахнулась. В каюту шагнул офицер.
- Встать! – приказал он мне, лежащей после очередного приступа. Я сползла с кровати.
- Шагом марш обедать! – последовала команда.
- Я не могу, - промямлила я.
- Не пререкаться! – он говорил резко, отрывисто, без тени улыбки.
Я перепугалась резкости его тона и, несмотря на то, что всё вокруг меня было зыбким – и море, и состояние, – поплелась за ним.

Запах флотского борща ворвался в открытую дверь. Этот запах вобрал в себя родной дом, землю, берег, маму...

Все столы офицерской столовой были заполнены. Меня посадили недалеко от дверей, и это было очень кстати. Вспомнился анекдот:

« - Капитан, а что это у вас на корабле повсюду картины Айвазовского висят?

- Это не картины. Это иллюминаторы».

Минут пять я сидела и рассматривала интерьер, аппетитно жующих офицеров, борщ в своей тарелке. Наваристый флотский борщ на тушёнке, со сметаной, золотился, запах дразнил и щекотал в носу. В тишине слышен был только стук ложек. Я поднесла ложку с борщом ко рту – и затаившаяся морская болезнь проснулась. Я успела выскочить, никому не испортив аппетита. Больше из каюты для приёма пищи я не выходила. Очень долго ко мне никто не стучал в дверь. Личный состав не ходил по кораблю, чтобы лишний раз не попадаться на глаза начальству и не заработать нарядов вне очереди. После нескольких часов томительного ожидания пришёл мичман.

- Мне выходить с вещами? – пошутила я.

- Нет, - он опустил глаза, - на море шторм. Ваш катер не может пришвартоваться к кораблю. Он ушёл домой. Завтра, когда утихнет шторм, придёт за Вами. –

Как рыба, открытым ртом я хватала воздух, но не могла вымолвить ни слова. Мысли бежали одна быстрее другой.

- Из дома я ушла на работу в четверг утром, завтра – суббота – выходной день. Хорошо хоть родители знают, где я и не волнуются, - пыталась успокоиться я.

Так много свободного времени, но не могу сосредоточиться, чтобы написать что-нибудь для газеты. Я лежала с закрытыми глазами и «считала слоников», как в детской сказке, чтобы уснуть. И не могла. Судя по тому, что большой корабль то поднимался, то опускался, раскачиваясь из стороны в сторону, шторм был сильный. Но привыкнуть к качке не удавалось.

Утром моряки принесли толстую пачку писем. К обеду шторм уменьшился. Наконец, пришёл долгожданный катер. Но пришвартоваться к эсминцу он не мог: волны отбрасывали его от корабля. И тогда решили перебрасывать меня. Это было страшно, но произошло мгновенно: трап спустили низко над катером, меня обвязали верёвками – и из одних сильных мужских рук я прыгнула в другие. В свободном парении я была два-три метра.

- Домой, домой, домой! – эта мысль придавала силы моему ослабшему организму. Но на катере качка чувствовалась в десять раз больше. Любимое Чёрное море оказалось негостеприимным. Именно так греки в восьмом-девятом веках до нашей эры называли его.

Я смотрела на тёмно-серую бурлящую воду, и мне хотелось прыгнуть

в неё, чтобы навсегда избавиться от постоянной тошноты и этих мучений. Но мы ведь плыли к дому!..

Несколько часов – и на горизонте долгожданная Земля! Шторм утих. Катер вошёл в залив, замедлил ход и вскоре бросил якорь.

- Почему мы остановились?! – побежала я к мичману.

- Порт не принимает. Надо подождать, - таков был ответ.

Любоваться панорамой родного города со стороны моря пришлось ровно час. Наконец, я ступила на твёрдую землю, но она тоже качалась. Шатаясь из стороны в сторону, так как головокружение продолжалось ещё долго, обходя многолюдные улицы из-за своего, мягко говоря, странного вида, я поплелась домой. По дороге опустила матросские письма в почтовый ящик. Когда я появилась на пороге дома, родители ахнули: лицо такого же зелёного цвета, как куртка, под глазами чёрные круги в пол-лица, обветрившиеся губы, гримаса улыбки и слёзы радости оттого, что, в конце концов, я дома.

- Где ты была?! – вскрикнула мама, - ты ушла на работу в четверг, в семь двадцать утра. Сегодня суббота, и уже вечер! Куда тебя посылали?!

- Вам же звонили девчонки с работы, - выползая из грязной одежды, устало отвечала я.

- В том-то и дело, что никто не звонил! – вступил в разговор папа, - я поздно вечером в четверг поднял с кровати твоего начальника. Он сказал, что ты в море. Судя по твоему виду, морская прогулка тебе понравилась, - заключили родители.

Я позвонила своему начальнику, доложила о своём возвращении, о том, что, вообще, не нужна была там. Очевидно, я оторвала его от ужина. Отвечал он с полным ртом:

- Ладно, в понедельник расскажешь, отдыхай...

Интересно, что я почти не вспоминала это плавание 30 лет. Я прилетела в Израиль на самолёте, и никогда не бывала в морских круизах – так отбил мне охоту этот случай. Но сейчас, когда писала, вспомнила всё до мельчайших подробностей, даже – запах борща...

